

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

РАЗНОЕ

Шумерология: мировое разделение труда

Наука с давних пор является результатом интеграции множества национальных школ и традиций. В наше время единство науки дополнительно обеспечивается множеством международных конференций, не говоря уже о современных сетях коммуникации, доступ к которым открывает любому исследователю возможность заниматься проблемами, актуальными для всего земного сообщества. Тем не менее, наряду с единством интегрированной науки при всей общности ее методов, целей и задач существует весьма заметное различие в подходах к предмету, в выборе для изучения того или иного аспекта проблемы — короче говоря, в угле зрения на изучаемый предмет. Можно сказать, что в науке, как и в производстве, существует международное разделение труда: каждой стране что-то удается лучше, чем остальным, что-то похуже, а за что-то не следует браться совсем, пользуясь совершенными разработками коллег из других стран. Рассмотрим это разделение на материале шумерологии — совсем молодой востоковедной науки (чуть более столетия), не прошедшей полностью своего начального периода (описание памятников), однако уже имеющей несколько развитых национальных школ и близкой к абсолютной информационной интеграции.

Особенность национальной школы в шумерологии определяется большим числом факторов. Во-первых, это фактор индивидуального развития основателя школы. Предметы и проблемы, к которым он с юности питал наибольший интерес, впоследствии становятся определяющими не только в его поисках, но и в работе сотрудников. Во-вторых, это группы текстов, преобладающих в музейных собраниях данной страны (берут то, что ближе лежит). В-третьих, это фактор сиюминутной политиче-

ской ангажированности науки, когда ради задач сегодняшнего дня ученых заставляют пересматривать историю. В-четвертых, это особенности менталитета, характерные для граждан данной страны и накладывающие отпечаток на работу исследователя. Интересно, что ученый, работавший по программе одной национальной школы, при переезде в другую страну нередко теряет и направленность своих прежних исследований, моментально подключаясь к иной целевой системе. Кроме этих основных есть менее значимые факторы, на которых останавливаться здесь не будем.

Начальный этап развития науки никакого разделения не дает — на этом этапе цели и подходы у всех одинаковы. Нужно прочитать текст, перевести его, обратить внимание на особенности языкового строя и на факты, о которых сообщается в источнике. И если сравнивать подходы француза Ф. Тюрло-Данжэна, ирландца Э. Хинкса и англичанина Г. Раулинсона — получим один и тот же подход филолога и издателя.

Разделение подходов начинается только через несколько поколений, когда организована кафедра, создан первый словарь, написаны первая грамматика и первый исторический очерк. Главным условием все же является кафедра как средство укоренения научной дисциплины в национальной почве. При кафедре воспитываются ученики — они получают образование в духе нации и по окончании университета уже начинают мыслить традиционно. В них начинает развиваться образ науки, связанный с национальным стереотипом, и именно этот образ они культивируют в следующих поколениях. Результатом этого процесса является не только воспроизводство знающих специалистов, но и воспроизводство традиционно мыслящих ученых. Рассмотрим теперь специфику национальных школ шумерологии.

Немецкая школа (Ф. Делич, Б. Мейснер, Г. Циммерн, А. Пибель, Б. Ландсбергер, А. Фалькенштейн, Д. О. Эдцард, К. Вильке, Й. Крехер, Й. Ренгер) сформировалась первой и на сегодняшний день является превосходной, образцовой во всех отношениях школой — т. е. именно местом, где научаются шумерологии. Для ее работ характерны две основные черты: постоянный интерес к ди-

дактике и стремление создавать монографии справочного типа. Действительно, все основные пособия для изучения клинописи и шумерского языка созданы именно немецкими профессорами, а немецкие грамматиканы, скрупулезно учитывающие каждую строчку источников, могут служить прекрасными курсами для студентов благодаря железной логике в изложении материала. Немецкая монография неизменно поражает обилием цитируемой литературы, невероятным количеством ссылок — но и совершенным нежеланием глубоко исследовать вопрос. В сфере истории немецкий шумеролог предпочитает потестарно-политический аспект (особенно с привкусом войны) или экономику (особенно земледелие, а также коммерческий и правовой аспекты хозяйственной деятельности). Однако интересно, что экономические работы немцев нередко сводятся все к той же политике, причем под политикой понимаются простые и грубые вещи (насилие, противостояние социальных групп, различные аспекты власти). В сфере лингвистики немецкий конек — морфология, т. е. развинчивание, разбор текста на составляющие части с последующим упорядочиванием этих частей. Немцы редко (и безуспешно) занимаются духовной культурой шумеров, зато они лучшие комментаторы и издатели текстов политических и хозяйственных. В общем и целом, немецкая шумерология несет в себе национальную любовь к упорядочиванию всего и обучению всех. Воинственный дух Гегеля и Маркса дополняет эту черту интересом к различным проявлениям власти и мирового господства, а немецкое уважение к трудам и дням бюргера сообщает науке интерес к хозяйству и быту древних людей.

Английская школа (С. Гэдд, Р. Кэмпбелл-Томпсон, В. Дж. Лэмберт, А. Ливингстон, М. Геллер, А. Р. Джордж), будучи второй по старшинству, по ряду причин не сформировалась как чисто шумерологическая. Главной причиной здесь служит наличие огромного числа вавилоно-ассирийских источников в собраниях британских музеев. Среди них попадаются и двуязычные аккадо-шумерские, и шумероязычные, но больше всего одноязычных аккадских текстов, издание которых было задачей для нескольких поколений британских уче-

ных. Тем не менее можно говорить о британской шумерологии и ее специфических чертах. Прежде всего, это интенсивная издательская деятельность и интерес к духовной культуре изучаемого народа. Англичанин любит издавать не только потому, что в музеях много текстов. Он издает потому, что текст — это красиво. Английские автографии выполнены не только с огромной тщательностью, но и с любовью. Их приятно брать в руки, с ними можно общаться, как с табличками в музее, их хорошо и понятно читать. В духовной культуре шумеров английского ученого прежде всего интересует то, что всегда интересовало подданных британской короны, — государственные ритуалы, народные праздники, календарь, представления о демонах, призраках, ведьмах, поверия о целебной силе камней и трав. Серьезных трудов на тему политической или экономической истории шумеров английская наука не дала, зато ни в одной стране мира нет такого количества (и качества!) исследований топографии и топонимики, ритуальных процессий, заклинаний, астральных верований, всяческой магии и суеверий. Британская шумерология этнографична, более всего она обращена к сфере ритуально-эстетического, менее всего — к исследованию насущного и повседневного.

Французская школа сформировалась позднее, но ранее всех оказалась близка к упадку. После затворника Тюроданжэна, занимавшегося всеми проблемами на материале всех текстов, издателя и переводчика, филолога и историка, здесь возникло несколько фигур, с которыми была связана вся дальнейшая специфика французской шумерологии вплоть до начала 90-х годов (Р. Лабат, М. Ламбер, И. Розенгартен, Ж. Боттеро, бельгийцы А. Лиме и А. Заурен, Д. Шарпэн, Ж. Ж. Гласне). Французам оказались свойственны, на первый взгляд, противоречивые наклонности: с одной стороны, это интерес ко всему государственно-политическому (который отличается от немецкого акцентом на парадную, а не на практическую сторону политики: атрибутика царской власти, жрецы и жертвоприношения, одежда высших должностных лиц). С другой стороны — интерес ко всему тонкому и чувственному (кулинария, парфюмерия, ме-

дицинские рецепты, женщина в шумерском обществе). На самом же деле никакого противоречия здесь нет — французы и в первом, и во втором случае предпочитают то же, что всегда: моду, царственный вид вождя нации, утонченные телесные наслаждения. От французских ученых нельзя ожидать скрупулезного разбора политической истории (что является прерогативой немцев и русских), но никто во всем научном мире не способен так серьезно изучать рецепты давно съеденных древних блюд или детали давно истлевшего костюма, руководствуясь одними только текстами, но представляя при этом и вкус одного, и цвет другого брэнного памятника.

Американская школа шумерологии (С. Н. Крамер, Т. Якобсен, Э. Рейнер, О. Шеберг, М. Сивиль, В. Халло, Дж. Купер, М. Коэн, П. Михаловски, П. Штейнкеллер), на сегодняшний день вторая после немецкой, неслучайно занимает это место, поскольку от немецкой же и происходит. Здесь произошло любопытное наложение нескольких культурных традиций, которое, впрочем, не помешало выработке истинно американского подхода к науке. Немецкие профессора (А. Пибель, Б. Ландсбергер, А. Лео Оппенгейм) принесли в Америку дух порядка, любовь к собиранию и ботанической систематизации источников, интерес к морфологии языка, любовь к изучению хозяйственной и политической жизни древних. Многочисленные евреи, работавшие на равных правах с немцами, подчинили шумерологические изыскания задачам библейской археологии и на первых порах помогли укреплению авторитета шумерологии в богословских кругах. Но жизнь среди американской нации, в системе ценностей, весьма далекой и от европейской, и от традиционной иудейской, заставила эти разнородные тенденции срастись и принять совершенно небывалую форму. Так возникла информационная шумерология американцев, своеобразные «новости NBC от шумерологии». С конца 40-х годов на базе крупнейших личных картотек стали создаваться большие лексикографические своды двух типов: расшифровка клинописных силлабариев и контекстный словарь. В создании этих сводов принимали участие не только ученые, ра-

ботавшие в Америке, но и все мировое сообщество специалистов. После появления компьютеров стали формироваться гигантские программы по учету и обработке текстов — т. н. интегрированные тезаурусы. В характере такой работы проступает специфика американской цивилизации как огромного пресс-центра по сбору и некомментируемому представлению международных новостей.

В России ассирио- и шумерология представлена двумя направлениями, в которых, однако, специфика подхода проступает довольно ясно. Одно, сегодня лидирующее, можно назвать социолингвистическим (В. В. Струве, И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев, В. А. Якобсон и другие сотрудники сектора Древнего Востока СПбФ ИВ РАН). Направление это во многом инспирировано немцами. Работающие в этом русле занимаются анализом различных аспектов экономики, политической истории, права, лингвистики с целью выявления общих закономерностей социального развития. Не последнее место здесь занимают вопросы хронологического и стадияльно-типологического анализа. В изучении языка активно используется социально-исторический подход (например, в отношении лексического фонда или специфики языкового строя). Все полученные в ходе исследования данные используются для последующего включения в систему всеобщей истории человечества, и можно без преувеличения сказать, что никому, кроме российских ассириологов, не удавалось так точно вписать историю древней Месопотамии в контекст всемирной. Вторая тенденция — культурно-исторический подход (английское направление) — выражена значительно слабее, поскольку по условиям времени она долго не могла заявить о себе (В. К. Шилейко, В. К. Афанасьева, И. С. Клочков, В. В. Емельянов). Достигнутые здесь результаты пока скромны, но мы уверены, что и в этом случае даст себя знать тенденция к интеграции: использование методов сравнительного литературо- и религиоведения, разработок в области психологии и общей теории культуры рано или поздно приведет к описанию и анализу этнокультурных универсалий по этносам и эпохам, доминировавшим в месопотамской истории. В целом можно сказать, что

для российской ассири- и шумерологической традиции, как и для русского мирозерцания, характерно глобальное мышление, учитывающее все разработки коллег с целью включения их в большой контекст общечеловеческой истории. Концептуальное поле российской науки в этом отношении уникально и не имеет себе равных.

Скандинавская шумерология, обещавшая быть при своем начале одной из сильнейших, вскоре сдала позиции. Сильнейшие фигуры датской и шведской науки (Т. Якобсен, О. Шеберг) сразу после защиты переехали в США, в Копенгагене остались несколько сотрудников, занимающихся разными предметами. Со временем вокруг одного из них (Б. Альстер) стала складываться школа, давшая новую шумерскую грамматику (М.-Л. Томсен) и ряд исследований в области литературных текстов (Дж. Г. Вестенхольц). Определить специфику этой школы не удастся по причине, во-первых, малочисленности специалистов, во-вторых, зависимости датской шумерологии от немецкой и американской.

В Италии шумерология началась трудами немецкого патера А. Даймеля, составившего единственный на сегодняшний день полный словарь шумерского языка и одну из первых шумерских грамматик. Однако у него не было учеников, и после смерти Даймеля все нужно было начинать заново. В Ватикан приехал голландский шумеролог и богослов Я. Ван Дейк, который на протяжении 40 лет занимался изданием текстов духовного содержания под патронажем святого престола. В светской части Рима, во Флоренции и Венеции возникли кафедры ассириологии, совершенно бесплодные до момента раскопок в Эбле. Только с середины 70-х годов на них стали проводиться систематические исследования шумерского языка, что было обусловлено практическими задачами: среди текстов из Эблы было найдено большое число шумеро-эблаитских словарей, которые нужно было прочесть. Так в Италии появилась шумерологическая школа (Дж. Петтинато, Ф. д'Агостино, Дж. Конти, Л. Милано и др.), и со временем выяснилась ее специфика. В настоящее время итальянские шумерологи работают над созданием больших лексикографических сводов двух ти-

пов — шумерские диалекты (особенно лагашский) и шумерский язык определенной эпохи (особенно новошумерский язык III династии Ура). В отличие от сплошных и бессистемных американских словарей итальянцы стремятся к строгому описанию лексики средствами структурно-лингвистического анализа. При этом описывается только определенный лексический пласт, и на основании данных описания выясняются особенности языкового строя либо данной местности, либо исторической эпохи. Итальянцы пока лучше всех чувствуют моменты изменения в составе языка, и такой подход как бы делает шумерский живым, разговорным, вечно становящимся.

Турецкую, японскую и южнокорейскую шумерологию, равно как и шумерологию Израиля нельзя пока назвать самостоятельными направлениями. Сильная зависимость от немцев и американцев (а в Израиле еще и от русских), детская любовь к бессистемному собиранию фактов, элементы богословия в исследованиях по духовной культуре — все эти черты восточной науки приводят ко мнению, что здесь наука только еще начинается. Характерно, что на Востоке академической наукой пока занимаются только страны, находящиеся на высоком уровне экономического развития. Китайской или северокорейской шумерологии не существует в природе (у китайцев она только на Тайване), как не существует, увы, и арабской шумерологии. Немногочисленные арабские (в основном сирийские и иракские) специалисты в этой области в настоящее время работают в США и Чехии (Фаузи Рашид, аль-Фуади). Насколько нам известно, все они имеют докторские степени и привлекаются к работе по составлению учебных пособий. В Багдаде в настоящее время работает единственный шумеролог Х. ар-Рауи, разбирающий недавно обнаруженную коллекцию литературных текстов из Телль-Хаддада.

С традиционностью мышления связаны и болезни национальных наук. Так, немецкий панвавилонизм (Делич, Куглер, Винклер) явился точной проекцией идеи германского превосходства на историю древнего мира. Английская любовь ко всему древнему и загадоч-

ному, получившая постоянный объект в лице античной Греции, породила удивительный феномен сравнительного религиоведения, а в ассириологии дала более чем странный результат: в 1928 г. Р. Кэмпбелл-Томпсон перевел аккадский эпос о Гильгамеше... гексаметром! И мало кто в Англии удивился этому. Американская наука болела и до сих пор болеет иудеоцентризмом: все значительные работы здешних специалистов обязательно снабжаются ссылками на ветхозаветных пророков и Песнь Песней. Французы болеют от перенасыщения вкусными подробностями и хорошо подавляемого, но закоренелого монархизма: обязательно нужно назвать королями всех правителей Шумера, даже не бывших в царском достоинстве; совершенно необходимо изучать жизнь бездетной храмовой жрицы, дабы установить, не было ли у нее детей на стороне. Болезнь русской ассириологии — чрезмерная концептуальность, отрывающая нить идеи от ткани материала. Болезни остальных наук пока неразличимы — для того, чтобы болеть, нужно вести активную жизнь.

Ученый-шумеролог, переезжающий из страны в страну, одновременно переходит из школы в школу. В результате этого перехода он начинает вовлекаться в орбиту иного научного мирозерцания и вынужден это мирозерцание разделять. Так, великий немец Бенно Ландсбергер, известный в Германии своими работами историко-культурного характера (отступление от немецкой традиции!), после переезда в США углубился в вопросы лексикографии и стал издавать клинописные словари. На новом месте ему не удалось создать ничего по глубине и концептуальной мощи равного «Культовому календарю вавилонян и ассирийцев» или «Образованию понятий у вавилонян». Испанец Мигель Сивиль учился во Франции и начал работать как специалист по медицинским и кулинарным текстам, но по приезде в США сменил профиль работы и стал заниматься методами компьютерного анализа клинописных текстов (с выходом на интегрированный тезаурус). Бывает и так, что новый взгляд накладывается на старые представления, одна традиция — на другую, и происходит синтез научных подходов в од-

ном человеке. Так, голландец Ян Ван Дейк за свою долгую жизнь работал во Франции, Германии, Италии, Дании, Голландии, США, Ираке и отличался универсальным видением научных проблем. Немец Гебхард Зельц учился в Англии и получил превосходную подготовку в области шумерской культуры, но по возвращении в Германию он был подключен к социально-экономическим штудиям, и теперь является уникальным специалистом, имеющим и исторический, и культурологический взгляд на проблемы шумерской цивилизации. Однако эти исключения только подтверждают правило.

Таково на сегодняшний день мировое разделение труда в шумерологии. Мы увидели, что развитые научные школы несут на себе отпечаток национального стереотипа, этот стереотип проявляется в подходе к предмету и в предпочтении какой-либо одной его грани для углубленного исследования. Тот же стереотип определяет и характер национальных болезней, что обязательно сказывается и на состоянии науки. Человек, однако, устроен так, что может не только придерживаться стереотипа своей научной школы, не только менять стереотип вместе с местом работы, но и преодолевать все стереотипы путем расширения научного мирозерцания. Можно заметить и другое: углубленные исследования на ниве экзотической науки могут позволить себе только экономически развитые страны, обладающие информационной базой и готовые к интеграции как концептуально, так и технически. Все эти наблюдения, как нам кажется, могут пригодиться при выработке дальнейшей стратегии по объединению шумерологов всех стран.

В. В. Емельянов